

Перевод: Hellgah

Редактор: Naides

Хэ Хунвень был одет в порванное хлопковое ханьфу глубокого черного цвета, он выглядел потрепанным и измученным. Он поклонился пожилой госпоже Шэн, которая предложила ему присесть, и велела подать чай. Минлань стояла рядом с бабушкой, не говоря ни слова.

— Хунвень, ты стал сильнее, — пожилая госпожа Шэн посмотрела на Хэ Хунвеня с улыбкой. — И твоя кожа загорела.

Хэ Хунвень поднял взгляд и встретился с чистыми яркими глазами Минлань. Девушка стояла, изящно выпрямившись, и выглядела ещё красивее, чем раньше. Он покраснел и опустил голову.

— В этот раз я путешествовал с моими дядями. Я узнал множество редких рецептов лекарств и правила, действующие на рынке по отношению к ним. Эта поездка была действительно полезной.

— Мужчина должен стоять на собственных ногах, — слегка кивнула пожилая госпожа Шэн. — Ты хорошо поработал. Твоя бабушка сказала, что ты получил место в Императорской лечебнице. Мои поздравления!

Хэ Хунвень выглядел смущенным.

— Благодаря моим дядям я вступил в Императорскую лечебницу, — с уважением ответил он. — Но... по моему мнению, мне следует набраться опыта, работая лекарем среди простых людей. Лекарям, в отличие от других профессий, нужно больше знаний и опыта.

Пожилая госпожа Шэн одобрительно кивала и ласково улыбалась.

— Ты — рассудительный и понимающий молодой человек, способный переносить трудности и тяжёлую работу. Твоя бабушка будет тобой гордиться, — договорив, она внезапно сменила тему разговора. — Некоторое время назад было очень жарко, а сейчас резко похолодало. Я слышала, что твоя матушка чувствует себя не очень хорошо, так что я приготовила кое-что для неё. Возьми с собой, когда будешь уходить.

Старшая служанка Фан немедленно велела служанкам поднять коробку, полную драгоценных лекарственных материалов, рулон редкой красной шёлковой ткани и рулон атласа с узором в виде русалок и показала их ему. Сердце Хэ Хунвеня упало. Многие годы пожилая госпожа Шэн всегда принимала его подарки с удовольствием и без лишних церемоний. В ответ она лишь

посылала больше подарков семье Хэ на весенний фестиваль. Но сегодня... Хэ Хунвень поднял глаза и осторожно посмотрел на пожилую госпожу Шэн, которая выглядела такой же дружелюбной, как и обычно. Так как она не сказала ничего о семье Цао, Хэ Хунвень тоже не мог ничего сказать.

Из письма он узнал, что семья Цао вернулась в столицу и тетя Цао хочет, чтобы он женился на кузине Цзинью. Его мать действительно сперва хотела женить его на Цзинью. Но положение вещей изменилось, и теперь Хэ Хунвень был уверен, что женится на Минлань. Семья Шэн и семья Хэ часто общались в последние несколько лет и, кажется, все были согласны на этот брак. Хэ Хунвень был хорошо воспитанным молодым человеком, простым и честным. Конечно, он не хотел менять своё решение. Однако, через несколько дней он снова получил письмо от своей матери. В письме она писала, что кузина Цзинью согласна стать его наложницей, но не упоминала, что же случилось, что очень его смутило.

После короткой беседы пожилая госпожа Шэн сказала, что устала. Хэ Хунвень встал и извинился.

— Минлань, иди проводи его, — небрежно добавила пожилая госпожа Шэн.

Глаза Хэ Хунвеня загорелись. Он почтительно попрощался с пожилой госпожой Шэн и послушно удалился со склонённой головой. Минлань поклонилась бабушке, повернулась и с улыбкой вышла вместе с Хунвеном. Данцзуй и Сяотао последовали за ними. Они пошли по мощёной дорожке из зала Шоу'ань по направлению к главным воротам поместья Шэн.

—...Сестра Минлань, как ты? — после долгих колебаний наконец произнёс Хэ Хунвень.

— У меня всё хорошо, — улыбнулась Минлань. — Последний раз ты прислал несколько пилюль от болей в сердце моей бабушке. Ей понравился твой подарок. Я тоже приняла две пилюли. Они сладкие и очень вкусные.

Голос девушки был мягким и нежным. Хэ Хунвень вздохнул с облегчением и громко рассмеялся:

— Я знаю, ты ненавидишь горькие лекарства, так что я добавил много лакрицы и слив, чтобы избавиться от горького вкуса. Если тебе понравилось, я пришлю тебе еще в следующем году.

Минлань прикрыла рот рукой и усмехнулась, её лицо слегка покраснело.

— Мы не должны принимать лекарства, когда захотим, — сказала она. — Если я хочу что-нибудь сладкого, я могу съесть закуску.

Хэ Хунвень смущенно почесал затылок, даже загорелое, его лицо было красивым, а улыбка очаровательной.

— В следующий раз я хочу поехать в Юньнань. Там высокие горы и дремучие леса. Может быть, я смогу найти редкие лекарственные травы. Но я боюсь, что моя матушка не согласится.

Минлань завидовала тому, что у него есть возможность везде путешествовать. Она сказала:

— Брат Хунвень, я на твоей стороне. Знаменитый доктор предыдущей династии, Чжень Байфан сказал: «Как доктору, вам следует прочитать как можно больше книг, чтобы расширять свои знания, и много путешествовать, чтобы накапливать опыт». Теперь ты работаешь в Императорской лечебнице, и все твои пациенты — высшие чиновники и благородные господа, — продолжила Минлань. — Если ты не сможешь их вылечить, то они будут жаловаться на тебя. Так что лучше сначала улучшить свои навыки.

Хэ Хунвень понял, о чём она говорит, и не мог удержаться от смеха. Атмосфера между ними потеплела. Когда они уже почти подошли ко вторым воротам, Хэ Хунвень внезапно остановился и открыл рот, словно хотел что-то сказать, но в итоге не произнёс ни слова. Минлань знала, о чём он думал, поэтому она махнула служанкам позади себя. Данцзуй и Сяотао немедленно отступили на несколько шагов, оставляя их наедине.

Хэ Хунвень снова открыл рот и долго колебался, прежде чем с неохотой произнести:

— Кузина Цзиньсю на год моложе меня. Когда ей было десять лет, её семью сослали из столицы в Силян. Мой отец умер, когда я был ребёнком, и я единственный ребёнок моей матери, так что я отношусь к Цзиньсю как к своей сестре, это все, — его тон был серьёзным и твердым, словно он давал обещание.

Однако, Минлань ответила не сразу.

— Брат Хунвень, тебе лучше сначала поехать домой и все прояснить, — после продолжительного молчания сказала она. — Хотя ты относишься к ней как к сестре... есть множество вещей, которые ты не можешь решить сам.

Хэ Хунвень замолчал и ушёл с опущенной головой. Минлань замерла, какое-то время провожая взглядом его фигуру, и затем тихо попросила Сяотао проводить его.

Минлань догадывалась, что пожилая госпожа Шэн, должно быть, ушла в буддийский зал, чтобы читать священные тексты, так что она направилась прямо в дом Муцан. Войдя в спальню, она бросилась на кровать, схватив летнюю подушку из ротанга. Затем она уставилась на узор из сорок и веток на балдахине кровати в самом меланхоличном расположении духа. Яньцао занималась рукоделием на деревянной кровати во внешней комнате. Она услышала слабый шум из внутренних покоев, как будто били по одеялу.

Минлань скатала свое тонкое одеяло клубком и несколько раз сильно ударила по нему, после чего почувствовала себя немного лучше. Однако она по-прежнему чувствовала обиду, как если бы она укусила яблоко и обнаружила, что оно червивое. Она почувствовала боль в животе, но

она не могла никого винить.

Цао Цзинсю, которая была дочерью богатой семьи, теперь переживала плохие дни и могла полагаться лишь на финансовую помощь родственников. Более того, она уже не была девственницей. Поэтому она цеплялась за своего хорошо воспитанного кузена Хэ Хунвеня, как утопающий хватается за соломинку. Как мать, горячо любящая свою дочь, госпожа Цао, несомненно, приложит все усилия, что сделать её счастливой. Как младшая сестра госпожи Цао, мать Хэ Хунвеня естественно хотела помочь семье Цао, чтобы они могли жить лучше.

«Никого нельзя винить, потому что у каждого своя точка зрения. Я знаю, что Цао Цзинсю жалкая, но я не сделала ничего плохого. Я не обязана помогать ей, потому что она мне не сестра. Я не тот чиновник, что присвоил деньги и разорил шахты Сяоляншань, и я не заставляла Цао Цзинсю стать наложницей военного чиновника. Так какого черта я должна нести за неё ответственность?» — с негодованием думала Минлань.

Минлань была подавлена, ей захотелось выбежать из дома и кричать, но она знала, что не должна этого делать, потому что благородной госпоже полагается быть элегантной и достойной... Минлань уткнулась головой в одеяло, чувствуя себя отчаянно несчастной.

Этот проклятый мир!

Минлань сидела на кровати и дулась. Внезапно она услышала, звук, будто кто-то спешил и бежал, этот звук приблизился к спальне, и голос Яньцао раздался снаружи:

— Сяотао, притормози немного. Чем ты так взволнована? Что случилось? Наша госпожа в комнате...

В ту же секунду занавесь на двери поднялась и Сяотао ворвалась в спальню, пот струился по её лицу. Она платком вытерла пот со своего покрасневшегося лица и сделала глубокий вдох. Ещё не успокоившись до конца, она подошла к Минлань и зашептала ей на ухо. Услышав слова Сяотао, Минлань изменилась в лице и прямо спросила:

— Ты ясно это видела?

Сяотао энергично кивнула, её грудь по-прежнему тяжело вздымалась.

— Да, я видела это своими собственными глазами.

Минлань втянула носом воздух, её грудь наполнилась гневом. Если бы перед ней был мешок с песком, она бы размолотила его голыми руками, вот как она была зла.

Только после этого Яньцао и Данцзюй вошли и непонимающе посмотрели на Минлань и Сяотао.

— Госпожа, что случилось? — робко спросила Яньцао.

— Ничего важного. Яньцао, ты останешься здесь и присмотришь за домом. Если невестка Хай или сестра Жулань придут навестить меня, просто скажи им, что я гуляю в саду, — выдавив улыбку, ответила Минлань. — Данцзюй, Сяотао, идите сюда и приведите меня в порядок.

Данцзюй служила Минлань уже несколько лет и знала, что она — решительная девушка. Так что Данцзюй молча помогла Минлань привести в порядок причёску и поправить макияж. Сяотао приподнялась на цыпочки, чтобы вставить гребень в волосы, поправить шпильки и жемчужные украшения в её пучке. Минлань прошептала несколько слов Сяотао, которая немедленно достала из шкафа шляпу с шифоновой вуалью и подготовила всё необходимое для выхода.

Данцзюй не была уверена в способностях Яньцао, поэтому она проинструктировала Лучжи, чтобы та присмотрела за домом, прежде, чем они вышли из дома Муцан. Пройдя немного, Минлань внезапно сказала Сяотао:

— Я выйду через малые ворота на заднем дворе. Иди и скажи старому Хуану приготовить для меня повозку прямо сейчас. Поспеши!

Услышав это, Сяотао сразу же бросилась в направлении заднего двора.

— Госпожа, вы... — озадаченно произнесла Данцзюй.

Минлань бросила на Данцзюй многозначительный взгляд, затем повернулась и пошла. У Данцзюй не нашлось смелости задавать ещё вопросы, и она поспешила за Минлань.

На заднем дворе были небольшие ворота, которые вели прямо к ряду небольших домов внешних резиденций. Сегодня был второй день Осеннего Императорского Экзамена, и все слуги ушли ждать своих господ перед экзаменационным залом, так что снаружи было лишь несколько человек. Минлань взяла Данцзюй за руку, они спешно миновали двое дверей Чуйхуа и тихо вышли в малые ворота. Они успешно миновали весь путь до ворот дома.

Старик Хуан уже подготовил крепкую повозку с зелеными занавесками для Миналань. Он был верным слугой пожилой госпожи Шэн, который многие годы служил ей в поместье Шэн. Двое его сыновей, стоящие рядом, также были надёжны. Заметив, что Минлань не в лучшем расположении духа, старый Хуан не осмелился ничего спрашивать. Он спустил скамейку, выполняющую роль ступеньки, для подъема в повозку на землю и проследил, как три девушки забираются внутрь.

— Дядюшка Хуан, езжай к роще персиковых деревьев перед входом в переулок, — тихо сказала Сяотао, высунув голову.

— Хорошо, — старый Хуан взмахнул кнутом, его сыновья последовали за ними. Повозка загрохотала по дороге.

Как только они оказались в повозке, Данцзюй не удержалась:

— Незнание меня убивает! Госпожа, куда мы едем?

Минлань прикрыла веки и не испытывала желания говорить. Сяотао под села ближе и ответила:

— Только что госпожа попросила меня проводить молодого господина Хэ. По пути он рассказывал мне о красивых местах, в которых он побывал. Мне так понравилось, что я проводила его до самых ворот. Когда я уже собиралась уходить, я увидела повозку семьи Цао, ожидающую перед воротами поместья. В прошлый раз, когда мы ездили в поместье Хэ, эта повозка стояла у ворот. Я хорошо её рассмотрела, когда мы выходили из ворот дома Хэ. У них занавеси из серой грубой промасленной кожи и рамы из коричневого дерева. И у возницы большая чёрная родинка на лице. Затем я увидела молодую госпожу Цао, высунувшую голову из повозки. Молодой господин Хэ выглядел пораженным, когда увидел её. Потом она что-то ему сказала, и, в конце концов, он забрался в повозку.

Данцзюй от удивления широко открыла рот и беспомощно посмотрела на Минлань.

— Мы собираемся преследовать их? Это неправильно!

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1053830>